

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ, ПРИМЕНЯЕМЫЕ В ХОДЕ ДОПРОСА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Т.Д. Шуко,

магистрант юридического факультета УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы»

Общеизвестным является тот факт, что любое взаимодействие между людьми часто протекает на фоне взаимного психологического воздействия друг на друга. Процесс «общения» следователя с допрашиваемым в этом отношении не представляет исключения.

Следователь, как правило, всегда воздействует на лиц, проходящих по делу: ему приходится убеждать допрашиваемого в необходимости дать правдивые показания, отказаться от избранной им неправильной линии поведения. В этом и заключается дозволенное законом психологическое воздействие на допрашиваемого, подчиненное целям установления истины по делу.

В.С. Абраменкова так высказалась по этому поводу: «Весь процесс допроса, если следователь проводит его искусно, мастерски, представляет собой психологическое воздействие на допрашиваемого. Само направление допроса, система постановки вопросов, предъявление при допросе тех или иных доказательств – всё это действует на психику обвиняемого» [1, с. 101].

Важно правильно определить границу между действиями и приемами следователя, которые допускаются законом, и действиями, представляющими собой психическое насилие, несовместимое с принципами уголовного процесса. В отличие от насилия, правомерное психологическое влияние само по себе не диктует конкретное действие, не требует того или иного содержания, а, вмешиваясь во внутренние психические процессы, формирует правильную позицию человека, сознательное отношение к своим гражданским обязанностям и лишь опосредствованно приводит его к выбору определенной линии поведения [2, с. 125].

Приемы правомерного психического воздействия – это приемы преодоления противодействия следствию, раскрытие смысла и значения имеющейся информации, бессмысленности и нелепости ложных показаний, бесперспективности позиции заpirationства – основа стратегии следователя в ситуации, когда допрашиваемый противодействует следствию. Для реализации данной стратегии необходима высокая рефлексивность, информационная проницательность, гибкость, способность использовать получаемую информацию для развития процесса расследования. Приемы психического воздействия имеют сверхзадачу – психологически разоружить противодействующее лицо, содействовать пониманию им негодности избранных средств противодействия, помочь изменить ему мотивацию поведения [3, с. 244].

Определение допустимости психологического воздействия вызывает необходимость рассмотрения вопроса о пределах, формах и методах такого воздействия. Решение этого вопроса важно для установления степени правомерно-

сти психологического воздействия, поскольку оно не может быть беспредельным, так как неминуемо «перерастет» в принуждение и нарушение закона [4]. Основным руководящим положением, определяющим пределы допустимости психологического воздействия, является уголовно-процессуальный закон. В части 3 статьи 18 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь содержится запрет на принуждение к даче показаний и объяснений путем насилия, угроз и иных незаконных мер [5].

Однако, давая характеристику тактическому приему с точки зрения его законности, необходимо подчеркнуть, что она будет носить общий характер, поскольку в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь криминалистические рекомендации как таковые отсутствуют. Следует заметить, что оценка способа действия именно как тактического приема должна происходить путем анализа соответствия названного способа не только принципу законности (статья 8 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь), но и другим принципам уголовного судопроизводства.

С.С. Баранов оптимальным признает вариант включения в Уголовно-процессуальный кодекс нормы, оговаривающей нравственные критерии допустимости производства любых процессуальных действий [6, с. 231].

Представляется, что данный подход является неоднозначным. Вряд ли возможно процессуально закрепить нравственные критерии в материалы уголовного дела.

Можно сделать вывод о том, что правомерен любой тактический прием психического воздействия, если он не направлен на вымогательство признания, несвязан с нарушением норм нравственности, прямой ложью, подавлением воли подследственного лица.

Существует, однако, проблема возможности применения тактических приемов допроса, основанных на использовании так называемых слабых мест в психике допрашиваемого: повышенной вспыльчивости, тщеславия, жадности, беспринципности, чувства мести, ревности и подобных нежелательных в психологической структуре личности состояний.

Рассмотрим этот вопрос более подробно на примере тактического приема, именуемого в криминалистической литературе «разжиганием конфликта», допустимость которого вызывает наиболее резкие возражения у многих специалистов в области судебной этики.

Сущность этого приема заключается в том, что допрашиваемого убеждают дать правдивые показания, разъясняя ему содержание показаний, например, его соучастников, возлагающих на него основную ответственность за преступление, отводящих ему, возможно, и не соответствующую истине руководящую роль в преступлении, и рассказывая о другом подобном поведении соучастников, не соответствующем его ожиданиям (например, о несправедливом дележе похищенного). Этот прием может быть реализован также путем сообщения допрашиваемому мнения о нем и его поведении близких ему лиц или, напротив, мнений о близких ему лицах и их поведении, не соответствующих бывшим у него до того представлениям об этом [7, с. 310].

Допустимо ли применение указанного и аналогичных ему приемов «разжигания конфликта» при допросе с позиций приведенных выше критериев допустимости тактических средств? Цель их применения ясна – получение от допрашиваемого правдивых, соответствующих истине показаний.

Имеет ли допрашиваемый в создаваемой в результате действий следователя ситуации свободу выбора линии своего поведения (что, как известно, принципиально важно при оценке допустимости любого тактического приема)? По нашему мнению, имеет, поскольку он может под воздействием этого приема свободно и осознанно не изменить своего отношения к предмету допроса или так же свободно и осознанно его изменить в желательном для следователя направлении.

Содержит ли этот прием элементы обмана, насилия и других однозначно запрещенных законом и этикой методов воздействия? Нет, если сообщаемая следователем допрашиваемому информация основана на имеющихся в распоряжении следователя данных (показаниях, фотоснимках, письмах, и т.п.) и может быть «предъявлена» допрашиваемому.

Однако на практике имели место случаи, когда следователем специально искажалась информация, сообщаемая допрашиваемому в целях получения нужных ему показаний, что, безусловно, является недопустимым приемом, основанном на обмане допрашиваемых.

Если же ставить вопрос прямо: имеет ли право следователь обманывать обвиняемого, подозреваемого и других лиц, сообщая им заведомо ложные сведения, делая ложные заявления или давая обещания, которые не может или не собирается выполнять, то ответ, разумеется, может быть лишь отрицательным. Следователь – представитель государственной власти, и вся его деятельность, с кем бы он ни общался, должна отвечать высоким нравственным требованиям. Обвиняемый, подозреваемый не несет какой-либо ответственности за ложь, за сокрытие правды, но такого рода его поведение не может не заслуживать нравственного осуждения. Следователь «правом на ложь» не обладает.

Сейчас было бы весьма полезно вспомнить и воспринять хорошо сформулированное в 1864 году Уставом уголовного судопроизводства положение: «Следователь не должен домогаться сознания обвиняемого ни обещаниями, ни ухищрениями, ни угрозами, ни тому подобными мерами вымогательства» (ст. 405) [8].

Д.П. Котов, сделал ряд оговорок о необходимости весьма осторожного применения подобных тактических приемов, отметив, что некоторые из них находятся «на грани допустимости», что следователь, применяя их, «неизбежно стоит на грани лжи», «на грани провокации», что прием надо применять «так, чтобы он не превратился в провокацию» [9, с. 101].

Близкой по механизму воздействия к описанным выше, но несколько иной по своей психологической структуре является большая часть так называемых следственных хитростей (именуемых также «психологическими ловушками» или «тактическими комбинациями»).

Сущность этих приемов сводится к воздействию на допрашиваемого путем маневрирования следователем имеющейся в его распоряжении информацией

с целью свободного и осознанного изменения допрашиваемым своего отношения к предмету следственной ситуации и самого своего поведения в ней.

Ряд ученых подвергли критике тактические рекомендации, вытекающие из концепции следствия как борьбы следователя с обвиняемым, как противоречащие нравственным и правовым нормам. В их работах отвергаются советы прибегать в процессе следствия к «следственным ловушкам», «следственным хитростям» и т. п.

Эта мысль подчеркнута С.Г. Любичевым, который пишет: «Определение процесса расследования как борьбы, противоборства двух сил противоречит сущности предварительного расследования как процесса установления истины в уголовном судопроизводстве, может привести к превращению расследования в борьбу с личностью как таковой, к подмене нравственного принципа нетерпимости к антиобщественным проявлениям нетерпимостью к данной личности. Это в свою очередь открывает путь к отрицанию воспитательных целей правосудия и проникновению в уголовный процесс недопустимых методов расследования» [10, с. 13].

Уголовно-процессуальный закон регламентирует порядок проведения следственных действий, с помощью которых расследуется преступление, и содержит общие правила, определяющие процедуру расследования. В то же время даже при самом обширном и совершенном законодательстве не возможно заранее предусмотреть, какая форма организации допроса в конкретном случае наиболее приемлема. Законодательное закрепление правил проведения предварительного следствия практически не ограничивает возможности следователя в выборе тактических приемов и обеспечивает оптимальный режим для осуществления им следствия по делу.

На наш взгляд, на практике при производстве допроса не учитываются широкие возможности использования психологически обоснованных нестандартных приемов и методов воздействия. Решение данной проблемы позволит развить у следователей профессиональные качества и умения, обеспечивающие высокую психологическую культуру следствия.

Список использованных источников:

1. Абраменкова, В. С. Некоторые вопросы тактики и психологии допроса обвиняемого по существу обвинения / В. С. Абраменкова // Сибирский юридический вестник. – 2001. – № 4. – С. 101–103.
2. Замылин, Е. И. Проблемы допроса в конфликтной ситуации: учебное пособие / Е. И. Замылин, Н. Ф. Колосов. – Волгоград, 2002. – 285 с.
3. Еникеев, М. И. Юридическая психология: учебник / М. И. Еникеев. – М.: Либроком, 2000. – 302 с.
4. Бекетов, В. А. Критерии разграничения «завуалированных видов» психологического принуждения с тактическими приемами при допросе [Электронный ресурс] / В. А. Бекетов, С. Л. Никонович. – Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=25794404>. – Дата доступа: 25.09.2016
5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-3 : принят Палатой Представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20 апр. 2016 г. //

ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2016.

6. Баранов, С. С. Уголовно-процессуальное право России / С. С. Баранов. – М. :Норма, 2010. – 349 с.

7. Аверьянова, Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. В. Корухов. – М. :НОРМА-ИНФРА, 2000. – 980 с.

8. Устав уголовного судопроизводства 1864 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137>. – Дата доступа: 27.09.2016.

9. Горский, Г. Ф. Судебная этика / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, Д. П. Котов. – Воронеж :Юникон, 2001. – 118 с.

10. Руденко, А. С. К вопросу о некоторых проблемах производства допроса [Электронный ресурс] / А. С. Руденко, Д. Ю. Княженевский.– Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=23276614>. – Дата доступа: 27.09. 2016.

УДК 347.962

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Е.Н. Ярмоц,

заведующая кафедрой уголовного права и криминалистики УО «Полоцкий государственный университет», канд. юрид. наук, доцент

Современные условия развития общества и государства предъявляют определенные требования (стандарты) к форме и содержанию правоприменительной деятельности, одним из видов которой является деятельность по осуществлению правосудия. В качестве своеобразного индикатора уровня развития и совершенствования судебной системы выступает категория «эффективность» с соответствующими критериями и показателями.

В различных правовых традициях критерии эффективности правосудия разнятся. В европейской юридической науке, к примеру, эффективность рассматривается в контексте управленческого подхода (managerial approach) к правосудию и понимается, главным образом, как его экономичность и результативность [1]. Иногда в качестве критерия качества осуществления правосудия выступает персональное взаимодействие (культура обращения) со сторонами и общественностью. Скандинавские страны сходятся в том, что основными критериями оценки качества судебного разбирательства являются так называемая «социальная» функция судов, доступ к правосудию, процессуальная справедливость и доверие общества к суду [2, с. 153].

Анализ и обобщение данных показателей позволяет выделить следующие направления (тенденции) развития судебной власти на современном этапе:

- информатизация судебной деятельности;
- расширение и поиск новых форм взаимодействия судебной власти и гражданского общества;